18. Montserrat Iglesias Xamaní. Second language acquisition and the language tourism experience // Procedia – social and behavioral sciences. 2015. Vol. 178. P. 139–145.

19. Oxford R.L., Rubin J., Uhl Chamot A., Schramm K., Lavine R., Gunning P., Nel C. The learning strategy prism: perspectives of learning strategy experts // System. 2014. Vol. 43. P. 30–49.

20. Siewierska Anna. Passive: A comparative linguistic analysis. London: Croom Helm. 1984.

21. Stassen L. Comparison and universal grammar. Oxford: Basil Blackwell, 1985.

22. Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structures in lexical forms // T. Shopen (ed.) Language typology and syntactic description III: Grammatical categories and the lexicon, CUP, Cambridge. 1985. P. 237–255.

23. Van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map // Linguistic typology. 1998. № 2. P. 79–124.

* * *

1. Djen Jun'hua, In' Can'. Sravnenie grammaticheskih ierarhij podlezhashhih v predlozhenijah srednego zaloga v anglijskom i kitajskom jazykah // Lingvisticheskoe issledovanie. 2014. № 3. C. 83–91 (na kit. jazyke).

2. Kibrik A.E. Tipologija: taksonomicheskaja ili ob#jasnitel'naja, staticheskaja ili dinamicheskaja // Vopr. jazykoznanija. 1989. № 1. S. 27–39.

3. Lu Bin'fu. Grammatika, orientirovannaja na glavnye chleny. Shanhaj: Shanhajskoe izd-vo obrazovanija, 2015 (na kit. jazyke).

4. Sugimura Hirofumi. Tipologicheskoe znachenie passiva s agentom pervogo lica v kitajskom jazyke // Prepodavanie kitajskogo jazyka v mire. 2016. № 1. C. 3–15 (na kit. jazyke).

5. Sjuj Vjen'shjen. Sopostavlenie i perevod sojuzov v anglijskom i kitajskom jazykah s tochki zrenija lingvisticheskoj tipologii – na osnove korpusa anglijskoj i kitajskoj literatury // Inostr. jazyki. 2015. № 3. C. 41–52 (na kit. jazyke).

6. U Fusjan, Chzhan Di. Model' semanticheskoj karty: novaja tochka zrenija tipologicheskoj lingvistiki // Sovremennaja lingvistika. 2011. № 4. C. 336–350 (na kit. jazyke).

7. U Fusjan. Semanticheskaja karta i grammatikalizacija // Prepodavanije kitajskogo jazyka v mire. 2014. № 1. C. 3–17 (na kit. jazyke).

8. Hje Vjen'bin', Lju Czjansjue. Odnonapravlennost' grammatikalizacii s tochki zrenija kognitivnoj lingvistiki // Vestn. Sjamyn'skogo tehnol. un-ta. 2007. № 1. C. 84–88 (na kit. jazyke).

9. Czjen Czjun'chjen'. Estestvennaja jevoljucija sistemy genitiva v svete konkurirujushhih motivacij lingvisticheskoj tipologii // Lingvisticheskaja tipologija. 2015. № 1. C. 52–64 (na kit. jazyke).

Complementation and fusion of cognitive linguistics and linguistic typology

The article deals with the correlation between complementation and fusion of cognitive linguistics and linguistic typology. The cognitive linguistics provides a theoretical guidance and technical support mainly in five aspects. The linguistic typology as an important applied field provides evidence of cross-language facts. With the development and integration of two sections of linguistics there is a new direction of language research – cognitive-oriented typology.

Key words: *cognitive linguistics, linguistic typology, complementation, fusion, cognitive-oriented typology.*

(Статья поступила в редакцию 30.11.2017)

Ю.Н. КУЧЕРЯВЫХ
(Краснодар)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ АППЛИКАЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РЕЧЕВЫХ СКЛОННОСТЕЙ И ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ЧУДАКОВАТЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ-НЕУДАЧНИК», ВОПЛОЩЕННОГО В ОБРАЗЕ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ РОМАНА А.Т. АВЕРЧЕНКО «ШУТКА МЕЦЕНАТА»

Рассматривается явление «лингвокультурный типаж», репрезентированное в персонаже художественного произведения, во взаимосвязи с национальной языковой личностью и согласно ролевым, ситуативным и коммуникативным установкам. Анализируются семантическая аппликация как речевая склонность лингвокультурного типажа, прием языковой игры, средство создания комического эффекта и антитезы.

Ключевые слова: *языковая личность, лингвокультурный типаж, языковая игра, маска, устойчивые речевые единицы, семантическая аппликация, антитеза, лексическое значение.*

В рамках лингвоперсонологии как науки о языковой личности (ЯЛ) исследовательский интерес вызывает активно развивающаяся теория лингвокультурных типажей (ЛК-типаж),

© Кучерявых Ю.Н., 2018

воплощенных в коммуникативном поведении национальной ЯЛ.

ЯЛ существует в «пространстве культуры, отраженном в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т.д.» [5, с. 46]. Следовательно, ЛК-типаж является «узнаваемым образом представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [10, с. 8]. Полагаем, что социально-исторические, индивидуально-личностные проявления ЯЛ реализуются в ЛК-типаже, который представляется нам комплексом базовых культурно значимых ценностей, качеств национального характера, поведенческих установок, реализуемых в определенной ситуации.

По утверждению Й. Хейзинга, культура рождается из игры и имеет характер игры [17]. Значит, при соотношении этих явлений ведущим становится человек играющий, обладающий коммуникативными навыками, способностями к творчеству, индивидуальными речевыми склонностями, т.е. «внутренними предрасположенностями к предпочитаемым видам, формам, аспектам речевой деятельности, включая выбор тем для обсуждения, речевых жанров, формы проявления эмоциональной экспрессии, средства художественной образности» [12, с. 126], проявляющимися в речевом стиле и манере поведения личности. В свою очередь, ЛК-типаж – характеристика ЯЛ через ее коммуникативное или игровое поведение, реализуемое ею в конкретной ситуации и с определенной целевой установкой.

Наш исследовательский интерес обращен к единственному роману Аркадия Тимофеевича Аверченко «Шутка Мецената», а значит, в художественном произведении, стирая грань между фикцией и реальностью, ЛК-типаж воплощается в персонаже, наделенном определенными поведенческими, портретными и психологическими чертами. Следовательно, в нем содержатся характеристики, присущие ЯЛ в целом, благодаря которым она становится лингвокультурным типажом или функционально-типизируемой личностью. А такие смежные с понятием ЛК-типажа явления, как «персонаж», «амплуа», «роль», «имидж» и «речевой портрет», являются компонентами лингвокультурного типажа, формирующими его узнаваемые характеристики и качества.

В основе понятия «амплуа», принятого в театральной сфере для обозначения специализации актера, находится освоенная им, наделенная эмоциональными переживаниями и узнаваемая зрителями очеловеченная роль (в то время как роль есть маска, заданный извне шаблон поведения) [9]. Поэтому каждому амплуа соответствуют типичные собирательные образы и их линия поведения.

Для сознательного формирования мнения окружающих и создания определенного образа, отличного от реальной личности, персонаж демонстрирует публике свой имидж. Ключевой характеристикой этого понятия является его моделирующая функция, формирующая систему ценностей [Там же]. Поэтому в творимом имидже, не выделяя и не усиливая какую-то конкретную характеристику, герой способен, играя, проявить те необходимые черты, которые требуются от него в данной ситуации. А также, примеряя различные маски, он имеет возможность скрыть свое истинное отношение к происходящему.

Коммуникативное поведение ЯЛ персонажа может проявляться через ее речевое портретирование. В основе данной структуры – сознательный выбор лексических единиц, синтаксических конструкций, невербальных средств, ролей и масок, создающих коммуникативное поведение персонажа или его «речевой портрет», т.е. «систематическое описание воплощенной в речи языковой личности определенной социальной общности» [11, с. 91]. ЛК-типаж может рассматриваться через речевой портрет как «продуктивный исследовательский прием, если, разумеется, такой типаж допускает изучение посредством наблюдения» [10, с. 22]. Полагаем, что речевое портретирование в художественном тексте может исходить от самого говорящего, его собеседника, а также выражаться с помощью авторских ремарок и уточнений, комментариев других героев.

Таким образом, ЛК-типаж является культурно значимой типизируемой ЯЛ, обладающей языковыми и внеязыковыми средствами, с помощью которых она проявляет определенные качества в зависимости от обстоятельств, с учетом характеристик базового концепта, заложенного в это явление, выраженного в языке и раскрывающего свои особенности в языковой игре (ЯИ).

Особое место в произведениях Аркадия Аверченко занимают искусство и «служители» ему. В романе «Шутка Мецената» показана галерея образов – представителей творче-

ской интеллигенции Санкт-Петербурга XIX–XX вв.

Для исследования особенностей языковой игры ЛК-типажа нами был выбран один из главных героев романа – поэт Павел Круглянский по прозвищу Мотылек. Обращение именно к этому персонажу обосновано тем, что на примере речевых склонностей и особенностей словесной игры Мотылька можно проследить изменение внутреннего мира героя, проявление в нем ЛК-типажа, своеобразие его самопрезентации: от добродушного и неудачливого весельчака-поэта до заводилы, принимающего активное участие в рекламировании и, наконец, сатирическом короновании в «короли поэтов» начинающего свой творческий путь Куколки, юного бездарного поэта Шелковникова.

По нашему мнению, Мотылек является типичным представителем творческой богемы своего времени. Опираясь на классификацию ЛК-типажей, предложенную Е.М. Дубровской [7], полагаем, что герой соответствует представлению о «человеке богемы», воплощенном в образе «непризнанного таланта», и репрезентирован в лингвокультурном типаже «чудаковатый интеллигент-неудачник».

С нашей точки зрения, названный лингвотипаж является узкоориентированным (термин Е.М. Дубровской), потому что «описывает не совокупность похожих образов, составляющих культуру общества в целом, а конкретного человека или нескольких людей» [7, с. 26–27]. Актуальность данного типажа и характера обоснована историческим отрезком анализируемой действительности, а также национально-культурными особенностями, связанными с событиями рассматриваемого произведения.

Творческая (богемная) личность, сталкиваясь с непризнанием публикой ее таланта, стремится к театрализации своего существования, демонстрации своих переживаний не только в творчестве, но и во внешнем виде или поведении. Именно поэтому креативность мысли, речевые склонности и коммуникативные намерения являются основополагающими при выборе приемов языковой игры данного типажа.

Речевые склонности Мотылька (поэта Паши Круглянского), одного из главных героев романа «Шутка Мецената», к переосмыслению устойчивых речевых единиц (УР), их смешению, полному или частичному наложению их значений друг на друга являются основой приема семантической аппликации как элемента языковой игры.

Семантическая аппликация – это «применение с определенной прагматической целью в литературной речи приема наложения смыслов в одной синтаксической структуре (предложении или сложном синтаксическом целом) за счет апплицирования устойчивых сочетаний друг с другом и / или с другими элементами контекста – как собственно лингвистического, так и экстралингвистического (контекста культуры)» [18, с. 3–4]. Данный прием, по нашему мнению, – средство создания комического эффекта в художественном тексте, основа характеристики лингвокультурного типажа, реализованного в персонаже, способствующий созданию и раскрытию его образа.

Полагаем, что интертекстуальная семантическая аппликация (термин Е.К. Шадунц), которая основана на обыгрывании поэтических строк А.С. Пушкина, используется Аверченко в монологе Мотылька (поэта Павла Круглянского) из эпизода коронования Куколки, главного героя романа «Шутка Мецената», в «короли» поэтов: *Мотылек схватил со стола заранее приготовленный том Пушкина, развернул его, как Евангелие, на заранее приготовленном месте, и звучно прочел:*

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В забавы суетного света
Он малодушно погружен.
Когда ж в избе старушки скрип
До слуха чуткого коснется...
Тотчас к бумаге он прилип
И от нее не оторвется!..
Ему близки тревоги мира,
Ему чужда хула молвы.
Склоним же дружно пред кумиром
Свои восторженны главы!

Так он и ***откатал*** *все стихотворение, причудливо мешая* ***звучащий медью пушкинский стих с пресловутыми Куколкиными стихами о старушке*** [2, с. 336].

При помощи интертекстуальной семантической аппликации писатель сплетает в единый контекст известные читателю пушкинские строки из стихотворения «Поэт» с образной системой из стихотворения бесталанного юного поэта Шелковникова, мечтающего стать знаменитым.

По нашему мнению, значимой является своеобразная контекстуальная антитеза: гениальность, воплощенная в стихах А.С. Пуш-

кина, – бездарность, заключенная в «доигранном» элементе последующих строф, – талант, скрытый в идее соединить в целое творения Александра Сергеевича и Валентина Шелковникова. Таким образом, за счет достраивания и столкновения семантически аппликируемых единиц представленный контекст приобретает сниженное значение. Авторская ремарка, помещенная после стихотворных строк, по нашему мнению, подчеркивает желание Мотылька быстрее выполнить возложенные на него обязанности (*…он и* ***откатал*** *все стихотворение…,* т.е. «в короткий срок сделал что-нибудь очень большое или очень много чего-нибудь» [16, с. 854]).

Полагаем, что важным в раскрытии полученных новых аппликативных значений, основанных на интертекстуальных связях, при характеристике персонажа становится «столкновение» слов, которые произнес Мотылек до (1) и после (2) коронования Куколки.

(1) – *И вот мы, люди хрупкой утонченной духовной организации, почуяв, что в отношении вас может совершиться та же вековая несправедливость, решили по мере своих слабых сил* ***дать вам при жизни то, на что*** *при других условиях* ***вы бы имели право после смерти!*** *Мы создадим вам славу, потому что вы достойны ее, и сегодняшний день – это первый робкий шаг в страну Очаровательных Возможностей, которые ожидают вас на вашем пути, на том пути, с которого мы заботливо* ***сметем все камни преткновения,*** *все шипы…* [2, с. 336].

В представленной аппликативной конструкции *сметем все камни преткновения* переосмысляется значение устойчивого сочетания базового УР *камень преткновения* («препятствие на пути к решению какой-либо задачи» [15, с. 393]), имеющего отрицательную коннотацию. Дополненное глаголом-сказуемым *сметем*, т.е. «энергичным воздействием устраним» [14, с. 654], анализируемое сочетание приобретает положительный смысл. Таким образом, контекст получает позитивную коннотативную окраску, а ироничное стремление Мотылька создать славу достойному ее юному «коллеге» представляется читателю искренним и чистым.

Добродушно-снисходительное отношение Мотылька к главному герою кардинально меняется после шуточного коронования. Обращаясь «в толпу», персонаж говорит:

(2) – *Я плюну им в лицо и крикну: «Вот ваш бард! Я,* ***как Диоген с фонарем, отыскал самое бездарное и самоуверенное, что есть в мире,*** *и, хохоча, склонил воловьи шеи перед этим апофеозом пошлости! Кланяйтесь ему, кланяйтесь, скоты!* [1, с. 189].

В. Серов объясняет значение устойчивого оборота *ходить с фонарем Диогена* так: «Однажды великий философ Древней Греции Диоген (IV в. до н. э.) зажег днем фонарь и пошел с ним по городу. На недоуменные вопросы горожан он отвечал кратко: “Ищу человека”. Тем самым философ хотел сказать, что найти совершенного человека, который полностью отвечал бы этому званию, практически невозможно, его буквально “днем с огнем не сыщешь”. Иносказательно: упорно, но тщетно искать что-либо или кого-либо. Фраза: Ищу человека! также стала крылатой» [15]. В исследуемом фрагменте романа автором переосмысляется (путем расширения компонентного состава, а также с помощью интертекстуальной семантической аппликации) крылатое выражение, приобретающее негативную коннотацию. Диоген вел тщетный поиск «идеального человека», а Мотылек все же *отыскал самое бездарное и самоуверенное существо, что есть в мире*, и представил его публике как соответствующего ей *апофеоза* (т.е. «торжественного восхваления, имеющего характер увенчания его деятельности» [16, с. 15]) *пошлости*.

Следовательно, общество не достойно, по мнению Павла Круглянского, человека – обладателя «лучших интеллектуальных или моральных качеств» [8], для него будет достаточно «существа» – «объекта, лишенного индивидуальности и творческого начала» [4].

Таким образом, исходное крылатое выражение получает ироническую окраску значения, а вся тирада, сказанная Мотыльком, полагаем, является срыванием маски «благодетеля» юного поэта. Потому что, на наш взгляд, именно в данном контексте представлено резко отрицательное отношение к созданной ненастоящей славе поэта Куколки и показана горечь Паши Круглянского из-за собственных неудач на поэтическом олимпе.

Кроме того, исследовательский интерес вызывает антитеза между репликой, которая адресована Куколке (*мы создадим вам славу, потому что вы достойны ее*), и словами о том, что Мотылек *отыскал самое бездарное и самоуверенное, что есть в мире, и, хохоча, склонил воловьи шеи перед этим апофеозом пошлости*, отмеченная циничным взглядом Паши Круглянского, разочарованного из-за невозможности, будучи действительно та-

лантливым поэтом, быть признанным современниками.

К.Н. Дубровина указывает на то, что «стилистически фразеологические единицы могут быть использованы следующим образом: с частичной трансформацией: изменение семантики при сохранении формы фразеологизма или изменении формы фразеологизма при сохранении семантики. А также с полной трансформацией и формы, и семантики фразеологизма» [6, с. 3–12]. Считаем, что названные теоретические положения проявляются в следующем посвященном поэту Павлу Круглянскому фрагменте, который дополняет портрет персонажа:

– А как же! Знаете, кто такой Мотылек? Это ***«Человек-мухоловка».*** *В летний зной – незаменимо!* ***Гений по ловле мух!*** *Сидит он, расправив морщины, и ждет. Мухи и рассядутся у него на лице. Вдруг – трах! Сожмет сразу лицо – мух двадцать в складках и застрянут.*

– Тьфу! – негодующе плюнула старуха, скрываясь за дверью [3, с. 21].

В данном отрывке наблюдаем характеристики: 1) Мотылек – «человек-мухоловка», 2) Мотылек – «гений по ловле мух». В Толковом словаре С.И. Ожегова приводится следующее объяснение лексической единицы *гений* – «1) высшая творческая способность; 2) человек, обладающий такой способностью» [14, с. 128]. Эти значения сопоставим с фразеологизмом *орел не ловит мух*, означающим «нечто, слишком ничтожное или, во втором значении, великого человека, который может пренебрегать мелочами» [13, с. 456].

Полагаем, что созданное аппликативное выражение *гений по ловле мух* применимо к характеристике человека, занимающегося ничтожным делом. Поэтому наблюдаемое переосмысление базового устойчивого оборота *орел не ловит мух* формирует сниженную ироническую характеристику человека, который переоценивает или недооценивает свои способности, поэтому не может найти себе подходящий вид деятельности.

Следовательно, поведение ЛК-типажа, реализованное конкретным персонажем, строится согласно ролевым предписаниям и целевым коммуникативным установкам. Таким образом, типаж включает в себя ролевые (шаблонные), индивидуально-личные речевые склонности (термин С.О. Малевинского [12]) и намерения. Если амплуа представляет собой роль [10], выраженную в ситуативной маске, то в нем отражается ее субъективное восприятие и личностная репрезентация. Поэтому амплуа, которое воплощено в персонаже художественного произведения, является индивидуальной эмоциональной окраской ЛК-типажа, а маска необходима герою для сокрытия своих истинных намерений, чувств и взглядов на события.

С помощью семантической аппликации, основанной на интертекстуальном смысловом расширении компонентов и «доигрывании» образов, заложенных в микроконтексте базовых устойчивых оборотов, по нашему мнению, во-первых, раскрывается образ Мотылька (поэта Паши Круглянского) и демонстрируется его восприятие событий, во-вторых, проявляются игровые особенности ЛК-типажа «чудаковатый интеллигент-неудачник», воплощенного в этом герое, который является неудачником не по своей сути, а из-за сложившейся ситуации, в-третьих, наблюдается контекстно-интертекстуальная антитеза между а) гениальными стихами А.С. Пушкина и стишками юного поэта Шелковникова; б) «бездарностью» и «талантом», «поэтом» и «толпой»; в) столкновением желания славы и признания по праву достойного их персонажа с интеллектуальной бедностью публики, поэтому отмеченные противоречия влияют на коммуникативное поведение ЛК-типажа и восприятие им действительности.

Список литературы

1. Аверченко А.Т. Нянька. М., 2013.

2. Аверченко А.Т. Собрание сочинений: в 14 т. Т. 13: Рассказы циника. М., 2015.

3. Аверченко А.Т. Юмористические рассказы. М., 2012.

4. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Иллюстрированный энциклопедический словарь. Современная версия. М., 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vehi.net/brokgauz/ (дата обращения: 08.12.2017).

5. Гвоздева А.В. К вопросу о лингвокультурном типаже [Электронный ресурс] // Lingua mobilis. Челябинск, 2009. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-lingvokulturnom-tipazhe (дата обращения: 19.11.2017).

6. Дубровина К.Н. Фразеологизм в соотношении с единицами разных уровней // Межуровневые связи в системе языка. М., 1989. С. 3–12.

7. Дубровская Е.М. Лингвокультурный типаж «человек богемы»: динамический аспект: дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2017.

8. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка. М., 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://что-означает.рф/ (дата обращения: 30.08.2017).

9. Карасик В.И. Языковые ключи. М., 2009.

10. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград, 2005. С. 5–25.

11. Крысин Л.П. Речевой портрет представителя интеллигенции // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 483–495.

12. Малевинский С.О. Лингвистические мифы и основания реалистической лингвистики. М., 2017.

13. Михельсон М.И. Большой толково-фразеологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru /contents.nsf/michelson_new/ (дата обращения 28.10.2017).

14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2008.

15. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / под ред. В. Серова. М., 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_ wingwords/1205/ (дата обращения: 11.10.2017).

16. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2008.

17. Хейзенга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб., 2011.

18. Шадунц Е.К. Семантическая аппликация устойчивых сочетаний в речевой реализации: дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 1997.

* * *

1. Averchenko A.T. Njan'ka. M., 2013.

2. Averchenko A.T. Sobranie sochinenij: v 14 t. T. 13: Rasskazy cinika. M., 2015.

3. Averchenko A.T. Jumoristicheskie rasskazy. M., 2012.

4. Brokgauz F.A., Efron I.A. Illjustrirovannyj jenciklopedicheskij slovar'. Sovremennaja versija. M., 2009 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.vehi.net/brokgauz/ (data obrashhenija: 08.12.2017).

5. Gvozdeva A.V. K voprosu o lingvokul'turnom tipazhe [Jelektronnyj resurs] // Lingua mobilis. Cheljabinsk, 2009. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-lingvokulturnom-tipazhe (data obrashhenija: 19.11.2017).

6. Dubrovina K.N. Frazeologizm v sootnoshenii s edinicami raznyh urovnej // Mezhurovnevye svjazi v sisteme jazyka. M., 1989. S. 3–12.

7. Dubrovskaja E.M. Lingvokul'turnyj tipazh «chelovek bogemy»: dinamicheskij aspekt: dis. … kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2017.

8. Efremova T.F. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. M., 2000 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://chto-oznachaet.rf/ (data obrashhenija: 30.08.2017).

9. Karasik V.I. Jazykovye kljuchi. M., 2009.

10. Karasik V.I., Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniju ponjatija // Aksiologicheskaja lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: sb. nauch. tr. / pod red. V.I. Karasika. Volgograd, 2005. S. 5–25.

11. Krysin L.P. Rechevoj portret predstavitelja intelligencii // Sovremennyj russkij jazyk: social'naja i funkcional'naja differenciacija. M., 2003. S. 483–495.

12. Malevinskij S.O. Lingvisticheskie mify i osnovanija realisticheskoj lingvistiki. M., 2017.

13. Mihel'son M.I. Bol'shoj tolkovo-frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]. URL: http://dic.academic.ru /contents.nsf/michelson_new/ (data obrashhenija 28.10.2017).

14. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskih vyrazhenij. M., 2008.

15. Serov V. Jenciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij / pod red. V. Serova. M., 2003 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/1205/ (data obrashhenija: 11.10.2017).

16. Ushakov D.N. Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka. M., 2008.

17. Hejzenga J. Homo ludens. Chelovek igrajushhij. SPb., 2011.

18. Shadunc E.K. Semanticheskaja applikacija ustojchivyh sochetanij v rechevoj realizacii: dis. … kand. filol. nauk. Krasnodar, 1997.

Semantic applications as manifestation of the verbal tendencies and features of pun of the linguocultural type "eccentric loser intellectual", embodied in the image of the character of the novel by A.T. Averchenko "Joke of the Patron"

The article deals with the phenomenon of "linguocultural type", which is represented in the character of a work of art, in connection with the national linguistic personality and according to the role, situational and communicative guidelines. The semantic application as a speech tendency of the linguocultural type, a pun, the means of creation of the comic effect and antithesis are under consideration in the article.

Key words: *linguistic personality, linguocultural type, pun, mask, steady speech units, semantic application, antithesis, lexical meaning, connotation, irony, intertext.*

(Статья поступила в редакцию 11.12.2017)